

Народные суды в системе органов «туземного» самоуправления в царистском Туркестане (по архивным, правовым и иным материалам)

В 1860-х гг. после присоединения Средней Азии к России царская власть сразу же взяла курс на учреждение здесь органов «туземного» самоуправления. По мнению известных специалистов, уже «во временном Положении 1865 г.¹ содержалась характеристика управления коренным населением Туркестанской области. Закон включал список туземных должностных лиц. Для кочевников это родоправители, бии, манапы. Для оседлых – аксакалы, раисы, базар-баши и казии. Казии исполняли обязанности судей для городских жителей, а бии – для кочевников»² (Курс. авт. – А.С.). Дореволюционный исследователь В. Гессен писал о том, что царское правительство старалось сохранять специфику традиционного суда народов окраин Российской империи, надеясь, что «именно этот окраинный порядок обеспечит и объединение судебного устройства и приближение судебной власти к населению, и возможное упрощение судебной организации и последовательное применение ко всем частям судоустройства (в том числе, «туземного» – А.С.) начала государственного значения суда»³. Авторы «Объяснительной записки к Проекту и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей»⁴ в разделе «Устройство суда» писали о том, что организация «туземного» суда в Туркестанском крае – труднейшая задача для рус-

¹ Имеется в виду: Высочайше утвержденное «Временное положение об управлении Туркестанской области», 6 августа 1865 года // ПСЗРИ. Собр.2-е, т. 40, отд.1. 1865 год. СПб. 1867, № 42372, с. 876–881 – А.С.

² Центральная Азия в составе Российской империи (Коллект. монограф.), М. 2008, с. 89.

³ В. Гессен, *Судебная реформа*, СПб. 1905, с. 236.

⁴ Так в документе – А.С.

ского правительства. Они рекомендовали решать ее очень осторожно, не спеша, не допуская ошибок, поскольку каждая из них может повлечь за собой нежелательные пагубные последствия и т.п. Указанные авторы, пожалуй, первыми озвучили тезис о смычке власти и суда в системе планируемых органов местного самоуправления у номадов региона. Они отмечали, что у кочевников Туркестанской области и Алатавского округа⁵ «родоначальники успели захватить в свои руки административную и судебную власть»⁶ (Курс. наш – А.С.). При этом деятели так называемой «Степной комиссии» указывали, что такое положение явно противоречит правительственным интересам в Туркестане. Видный советский этнограф-номадовед С.М. Абрамзон объяснял в 1971 г. отмеченное выше обстоятельство тем, что «основной костяк киргизского общества в дороссийский период составляли феодальные владетели – они, в руках которых сосредоточивалось руководство общественной жизнью, в том числе и суд – главнейшая функция управления в то время. Поэтому в дальнейшем звание бия стало отождествляться со званием судьи. Но в действительности положение бия определялось не судебными функциями, а господством в жизни киргизского общества»⁷. Следует обратить внимание на то, что, по мнению Абрамзона, судебная функция являлась главной в жизни патриархального кочевого общества в Туркестане к моменту утверждения здесь царской власти. Естественно, что царизм должен был учитывать это обстоятельство, которое может быть объяснено нами на конкретном примере того времени. Так, бывший начальник Иссыккульского уезда Семиреченской области, подполковник Г.С. Загряжский писал в 1874 г.⁸ о том, что «в Кетмень-Тюбинской во-

---

⁵ Алатавский округ был учрежден в 1862 г. и включал в себя территории, позже отошедшие к Семиреченской области, образованной в 1867 г. – А.С.

⁶ Объяснительная записка к Проекту и штатам военно-народного управления Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей (так в документе – П.Л.) // Проект положения об управлении в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях, СПб 1867, с. 16.

⁷ С.М. Абрамзон, *Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи*, Л. 1971, с. 158.

⁸ В это время Г.С. Загряжский был уже воинским начальником в одном из уездов западной России – А.С.

лости всем заправляя Рыскулбек Нарбутин, ныне умерший. С киргизов он брал за свадьбу, за похороны, за обрезание. При кочевках никто не смел раньше него трогаться с места и идти вперед его стад. Такое положение скопило у него огромное состояние и дало почти ханскую власть над народом. Жаловаться на него нечего было и думать, потому что просителя поймают джигиты и сделают, что будет приказано. Рыскулбек приказал выбрать угодных ему лиц в аульные старшины и бии, а волостным он назначил своего брата Керимбека, который служил у него джигитом»⁹. Считаю нужным пояснить, что Рыскулбек Нарбутин был манапом кыргызского племени саяк. 25 октября 1864 г., еще до взятия русскими войсками Ташкента, он писал командиру русского экспедиционного отряда М.Г. Черняеву: «Я, Рыскулбек, кочующий между Андижаном и Кетмень-Тюбе и управляющий десятью тысячами кибиток саяковского рода, изъявляю настоящим письмом свое желание вступить в верноподданство Белого Царя, вместе с управляемым мною народом. Если просьба эта будет принята, и Вы сообщите мне о том, то я, оставаясь на местах прежних своих кочевков, буду служить Государю и Вам. Места на Кетмень-Тюбе с давнего времени принадлежат мне и я оттуда никуда не укрою»¹⁰. Обращение манапа Рыскулбека с просьбой о принятии русского подданства объяснялось тем, что в последнее время его теснили крупные кыргызские племена сарыбагышей и солто. Он надеялся, что, вступив в союз с русскими, получит от них защиту от своих противников. Однако, как бы там ни было, но приведенный нами пример свидетельствует о том, что до прихода России в Туркестан в кочевой среде региона повсеместно господствовала власть родоначальников, в том числе и судебная. Один из видных туркестанский администраторов Ю.Д. Южаков писал в 1891 г. о том, что в дороссийский период «в сущности у киргизов»¹¹ не было биев как установленных или постоянных судей. Биями

---

⁹ Г.С. Загряжский, *Заметки о народном суде каракиргиз, Материалы для статистики Туркестанского края, Ежегодник*, Вып. 3, СПб б. 1874, с. 263.

¹⁰ Цит. по: Хрестоматия по истории Кыргызстана (с древнейших времен до XX в.). Бишкек 1997, с. 248–249.

¹¹ «Киргизами» в то время называли всех (кроме туркмен) кочевников Туркестана – А.С.

назывались родоправители и судьи; но суд биев состоял из лиц, избираемых тяжущимися на каждый случай особо. Таким бием мог быть всякий, кого только пожелает тяжущаяся сторона, но обыкновенно избирали лиц, пользующихся общим уважением и хорошо знающих киргизский адат (обычное право киргиз)»¹². По его мнению, звание бия как судьи в дороссийский период было знаком высокого ума, уважения, авторитета и т.п., а сам суд биев «был простой, бесформенный (то есть неформализованный – А.С.), гласный, открытый, всем доступный, всем понятный, свой, домашний суд. Киргизы ценили и дорожили им как святыней. Мы опрокинули вверх дном этот истинно народный суд. Мы оформили его, дали ему прочную организацию, несколько регламентировали и наименовали его народным»¹³ (Курс. наш – А.С.). Южаков указывал, что «бии разбирали и решали дела строго по адату... нарушение адата неминуемо поколебало бы власть родоправителя и доверие к судьям»¹⁴. Таким образом, исходя из мнения Южакова, можно утверждать, что в традиционном кочевом обществе в Средней Азии административная власть бия-родоправителя была тесно переплетена с судебными функциями, независимо от того, сам ли он исполнял роль судьи, или это делали другие люди, но уполномоченные им.

Смычка «туземной» власти (волостных и аульных старшин) в кочевых районах царистского Туркестана с представителями народного суда после установления царистского господства в регионе не только не ослабла, но и, напротив, лишь усилилась. Помощник военного губернатора Сырдарьинской области, полковник Н.Дингельштедт писал в 1892 г. в статье о том, что суд биев у кочевников Туркестанского края «был страшно невежественным...», что в суде биев «хозяйничали богатые родовичи». Дингельштедт указывал: «Ни для кого не секрет, что, например, у киргиз фактически несравненно более решали дела волостные управители, чем судьи»¹⁵. Полковник подчеркивал:

---

¹² Ю.Д. Южаков, *Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем*, СПб. 1891, с. 9.

¹³ Там же, с. 38.

¹⁴ Там же, с. 9.

¹⁵ Н. Дингельштедт, *Судебное преобразование в Туркестане*, Б.м. 1892, с. 44.

«Опыт и наблюдение удостоверяют, что единоличный киргизский бий как судебная власть представляет до того ничтожное значение, что фактически все спорные дела киргиз решают вовсе не бии, а волостные управители»¹⁶ (Курс. наш – А.С.). Подобное обстоятельство отмечал в своем «всепопданнейшем» отчете за 1896 год военный губернатор Ферганской области, генерал-майор Повало-Швейковский, указывавший на то, что «народный суд... поставлен в совершеннейшую независимость от русской администрации и постепенно превращается в произвол нравственно и умственно неразвитых выборных волостных старшин и туземных судей, которые мешают нашей администрации оказывать воспитательное воздействие на народ»¹⁷. Мнение ферганского губернатора о «совершеннейшей независимости» народного суда от царской администрации представляется нам весьма спорным, хотя относительно независимым от нее такой суд, на наш взгляд, действительно был. Мы полагаем, что, во-первых, независимость народного суда от администрации регламентировалась законами¹⁸, а, во-вторых, царская власть, при всем своем желании, не могла эффективно контролировать деятельность народных судов кочевого населения Туркестана, фактически перманентно находившегося в динамике перемещения по всей огромной территории региона¹⁹. Ей было проще держать под надзором и контролем народные суды оседлого населения, действовавшие на основе мусульманского права (шариата). Шариатские суды (казиев) находились все время в одном и том же месте. В отличие от них, выборные кочевые судьи – бии постоянно меняли свое местопребывание, передвигаясь вместе со своими избирателями. Учитывая это обстоятельство, трудно поверить тем, кто сегодня утверждает о тотальном контроле русского царизма над всеми сторонами жизни коренных народов Туркестана,

---

¹⁶ Там же, с. 50.

¹⁷ РГИА, ф. 1282, оп. 3, д. 240 – Отчет Ферганского губернатора за 1896 год, л. 166.

¹⁸ Проектом «Туркестанского положения» 1867 г. и «Положением об управлении Туркестанским краем» – А.С.

¹⁹ Территория царского Туркестана составляла в то время около 2 млн. кв. км – А.С.

особенно кочевых, включая, естественно, и сферу их судоустройства и судопроизводства²⁰. Думается, что более правы известные кыргызстанские историки – академики В.М. Плоских и Д.Д. Джунушалиев, признающие, что «царская администрация мало вмешивалась в управление кыргызским населением. Здесь вся полнота власти была передана кыргызским феодалам»²¹. Они же отмечают и подконтрольность суда биев преимущественно манапам и родоправителям²². То, что царская власть в Туркестане не имела тотального контроля над судами биев в регионе, подтверждается и документальными источниками. Глава правительственной «ревизии» Туркестанского края 1882–1883 гг. сенатор, тайный советник Ф.К. Гирс, признавая наличие смычки власти волостных и аульных старшин кочевников с народными судами биев, весьма скептически расценивал возможности русской власти в установлении эффективного контроля за последними, и предлагал предоставить право народным судьям самим изгонять из своей среды тех, кто порочит знание судьи, занимается взяточничеством, мздоимством и т.п.²³. Это сенаторское предложение может показаться наивным, однако, на наш взгляд, лишь отчасти, поскольку в «кочевом» судейском корпусе Туркестана в то время было немало и таких биев, которые дорожили своей репутацией, старались судить честно и по справедливости. У кочевников региона были поговорки: «У справедливого судьи нет родни, у судьи с родней – нет совести», «Был когда-то адат орлом, да бии сделали его общипанной вороной» и др.

Помощник военного губернатора Самаркандской области, генерал-майор В.Медынский писал 17 марта 1899 г. в записке, предна-

---

²⁰ См. напр.: А. Абдакимов, *История Казахстана*, Алматы 1994, с. 70–72; Ж.О. Артыкбаев, *История Казахстана*, Астана 1999; с. 181, 188, 195 и др.; А. Кузембайулы, Э. Эбил, *История Республики Казахстан*, Астана 1999, с. 243; Н.Д. Нургазина, *Казахстан и Средняя Азия: тенденции развития духовной общности на рубеже XIX–XX вв.*, Алматы 1993 и др.

²¹ В.М. Плоских, Д.Д. Джунушалиев, *История кыргызов и Кыргызстана*, Бишкек 2009, с. 170–171.

²² Там же, с. 171.

²³ Отчет ревизирующего по Высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирс, СПб. 1884, с. 340.

значенной для военного министра Куропаткина, о том, что ранее, по проекту «Туркестанского положения» 1867 г. канцелярией уездного начальника заведовал его помощник (§ 70 – П.Л.), тогда как по «Положению об управлении Туркестанским краем» 1886 г. (примечание к статье 51-й) он «обращен в участкового пристава» и поэтому сам начальник уезда вынужден заниматься делами своей канцелярии, поскольку секретарь уездного правления, при жалованье в 900 руб. в год, не может вести сложное делопроизводство. В связи с этим уездный начальник должен сам выполнять много бумажной письменной работы, а потому ему часто некогда руководить уездом²⁴. Естественно, что при таком положении эффективного контроля над деятельностью народных судов со стороны уездной администрации не было. Это подтверждал и руководитель правительственной «ревизии» Туркестанского края в 1908–1909 гг., сенатор К.К. Пален, в своем «всеподданнейшем» отчете отмечавший, что начальники уездов областей Туркестанского края плохо контролируют деятельность народных судов кочевого населения региона и даже не знают о многих их решениях, особенно по «мелким» делам²⁵. Известный специалист по судебным вопросам Туркестана и «степных» областей И.И. Крафт писал в 1898 г., что для того, чтобы умерить произвол народных судов, действующих по указке кочевой родоплеменной знати в лице волостных управителей и волостных старшин, надоверить контроль над ними «органам, близко знакомым с местными условиями и особенностями»²⁶.

По его мнению, такими органами могли бы стать «крестьянские начальники», о которых император Николай II писал в резолюции на «всеподданнейшем» докладе Степного генерал-губернатора за 1897 год²⁷.

---

²⁴ Цит.по: Материалы по истории политического строя Казахстана, Т. 1, Алма-Ата 1960, с. 408.

²⁵ Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Народные суды Туркестанского края, СПб.1910, с. 80.

²⁶ И.И. Крафт, *Судебная часть в Туркестанском крае и Степных областях*, Оренбург 1898, с. 103.

²⁷ Там же, с. 105.

Streszczenie

W artykule rozpatrzono pozycję i rolę „lokalnej” władzy sądowej w systemie ogólnych organów lokalnego samorządu w środowisku ludności koczowniczej Azji Centralnej w okresie przedrewolucyjnym.

Summary

There were considered the status and role of „native” judicial power in the system of common local self-government bodies among the nomadic population in the pre-revolutionary Central Asia.